

А. Н. КИРПИЧНИКОВ, Е. А. РЯБИНИН

ФИННО-УГОРСКИЕ ПЛЕМЕНА И ДРЕВНЯЯ РУСЬ (В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

О значительном усилении научного интереса к сложной и многообразной проблеме, связанной с историческими судьбами финно-угорских и славянских племен Восточной Европы, свидетельствуют такие важные факты, как образование в 1974 г. в составе ЛОИА АН СССР сектора славяно-финской археологии, организация в последние годы в Таллине, Ленинграде, Петрозаводске, Сыктывкаре симпозиумов и конференций, осуществление крупномасштабных и систематических исследований, развернувшихся в последнее время особенно на Северо-западе РСФСР, в областях средневекового славяно-финского расселения. Важную роль в стимулировании таких исследований играют международные конгрессы финно-угроведов. Специально следует отметить состоявшийся в Турку в 1980 г. К этому конгрессу был подготовлен обзор работ советских ученых в том числе археологов¹. Впервые археология финно-угров и их соседей, в первую очередь, славян получила такую представительную аудиторию.

В 1976 г. Ленинград был избран местом проведения первого советско-Финляндского симпозиума по археологии на тему: „Финно-угорские и славянские племена Восточной Европы и Финляндии в эпоху средневековья”. В работе симпозиума приняли участие видные советские и финляндские археологи научно-исследовательских учреждений АН СССР (из Москвы, Ленинграда, Таллина, Риги, Петрозаводска), университетов Турку и Хельсинки, Финской музейной службы, Академии Финляндии². Обмен мнениями, состоявшийся во время этой научной встречи, показал,

что советские и финляндские ученые работают параллельно над решением ряда близких исторических проблем, таких, как происхождение и расселение северных славянских и финских племен, контакты Новгорода с чудью³, изучение древней истории карелов и г. Корелы, определение скандинавского влияния на материальную культуру финнов и славян, семантика и орнаментация археологических находок, становление городов и развитие торговли в зоне славяно-финских контактов⁴. Первый советско-финляндский симпозиум показал плодотворность научных контактов археологов обеих стран, обоюдное стремление ученых разных взглядов к конструктивному научному диалогу и заложил основы долгосрочной договорной основы для продолжения таких встреч.

В 1978 г. в Хельсинки состоялся второй симпозиум советских и финляндских археологов по теме: „Культурные связи народов и стран Балтийского бассейна в железном веке и раннем средневековье”. На нем обсуждались такие масштабные темы, как искусство древних племен Кольского полуострова, состояние финского общества в IX—XIII вв., формирование эстонской народности, архитектурная история замка Хяме, славяно-прибалтийско-финские контакты в районе Изборска, функционирование международных торговых путей в период средневековья и многое

¹ А. Н. Кирпичников, *Археология*, [в:] *Советское финно-угроведение, 1975—1980. Обзоры работ советских ученых. Материалы к V международному финно-угорскому конгрессу в Турку, 1980*, Москва 1980, с. 8—29. Также см.: Указатель литературы к образам: *Археология*, с. 5—50.

² А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов, *Первый Советско-Финляндский симпозиум по археологии*, ВИ 1977, 7, с. 187—189.

³ Под собирательным термином „чудь” здесь и далее подразумеваются все племена финно-угорской языковой группы независимо от их племенной принадлежности. Этот термин широко использовался в русской историографии, но потом был неправомерно исключен. О желательности его применения к финно-угорскому населению летописной поры см.: А. Л. Монгайт, *Рязанская земля*, Москва 1961, с. 31. В источниках в отдельных случаях этноним „чудь” приобретает и более узкое содержание, обозначая конкретные финские объединения (чудь эстонская, чудь заволоцкая, чудь приладожская).

⁴ *Финно-угры и славяне. Доклады первого Советско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии*, Ленинград 1979.

другое. На симпозиуме были подведены итоги некоторых новейших исследований в области славяно-финской археологии и определены перспективы направления дальнейшей совместной культурно-исторической работы⁵. Регулярное обсуждение вопросов финно-угорской и славянской археологии, в том числе и на международном уровне, показывает, какое внимание стали теперь уделять специальному изучению данной проблематики.

Периодические встречи советских и финляндских ученых стали благородной традицией. В мае 1981 г. в Ленинграде был успешно проведен третий советско-финляндский симпозиум по археологии на тему: „Археология северо-западных районов СССР и Финляндии”⁶. Труды этого симпозиума будут опубликованы отдельной книгой в 1984 г. под названием: *Новое в археологии СССР и Финляндии*. Во время симпозиума ученые двух стран, что в отношении археологии является первым международным проектом своего рода, договорились о подготовке двух совместных трудов *Финны в Европе (VI—XIV вв.)* и *Волосовская культура и её роль в сложении финских племен*.

Наконец, в мае 1983 г. состоялся четвертый советско-финляндский симпозиум по теме: „Торговля, обмен и культурные связи народов Финно-Скандинавии и Восточной Европы”⁷. Его труды будут изданы в Хельсинки. Таким образом, встречи ученых двух стран стали плодотворной, достойной подражания традицией. Назрел вопрос о более тесном и широком научном сотрудничестве в области археологии стран бассейна Балтийского моря. Такое сотрудничество всецело отвечает задачам современной науки и в полной степени способствовало бы её прогрессу.

I

Исследования П. Н. Третьякова и В. В. Седова подготовили археологов более углубленно и более точно определить культурное взаимодействие славян и финнов в лесной полосе Восточной Европы. Следует прежде всего отметить, что расселение славянских племен в лесной полосе

протекало, по-видимому, преобладающе мирно. Поселенческий ландшафт, открывшийся новым пришельцам, представлял (прибегая к летописной хотя и поздней по записи, но восходящей к значительно более раннему времени, терминологии) „станы и острова и урчища”⁸. По мнению А. Н. Насонова, речь шла в данном случае о местах рыболовных ватаг, сухих возвышенностях, наконец, урчищах-заимках⁹.

Уточним понятие стан, становище. Этим термином первоначально обозначалось, очевидно, место остановки, временного или постоянного проживания неземледельческого населения. В дальнейшем станом называлась местность, относящаяся к какому-либо пункту, где происходила уплата дани и оброков. Взаимосвязь станом и „островом” иллюстрируется примером одного из мерских станом у Костромы. Его территория в поповодье заливалась водой Волги и Костромы и поселения, расположенные на песчаных всхолмлениях, уподоблялись изолированным островам. Вплоть до недавнего времени население этого района занималось, главным образом, скотоводством и рыбной ловлей¹⁰. Станы в смысле территориальных округов могут быть сопоставленными с такими же единицами у других народностей — кихелькондами эстонцев, кихлакунтами карел¹¹. Как правило, эти станы разделялись незаселенными полосами, а порой выглядели и вовсе затерянными среди необжитых и редко посещаемых лесных пространств. Сам хозяйственный уклад славян и финнов, заключавшийся в различии земледельческой и охотничье-скотоводческой деятельности первых и вторых предопределял ландшафтно несхожие зоны обитания (говоря упрощенно, например, сплошь обрабатываемые речные долины и леса, озера с вкраплениями мелкоконтурных угодий-„диких ухажив” и обусловил особую, нередко мозаичную в пределах того или иного региона этноструктуру заселенности. Зоны и островки славянского и финского заселения могли не совпадать, помещаясь порознь, или наслаиваясь, они располагались порой чересполосно. Конкретизирует это наблюдение карта памятников северных обла-

⁵ А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов, *Симпозиум советских и финских археологов*, ВИ 1978, 10, с. 187—188; также *Fenno-Ugri ot Slavi* 1978. Helsinki, 1980.

⁶ А. Н. Кирпичников, Е. Н. Носов, *Советско-Финляндский симпозиум по археологии*, „Вестник АН СССР” 1981, II, с. 99—102.

⁷ Кирпичников, Носов, *Советско-Финляндский симпозиум по археологии*, „Вестник АН СССР” 1983, II, с. 89—91.

⁸ *Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов*, Москва—Ленинград 1950, с. 425. Известие относится к местам обитания югры.

⁹ А. Н. Насонов, „Русская земля” и образование территории Древнерусского государства, Москва 1951, с. 111.

¹⁰ П. Н. Третьяков, *У истоков древнерусской народности*, МИА, 1970, nr 179, с. 136.

¹¹ Сравни: Х. Моора, Х. Лиги, *Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в.*, Таллин 1969, с. 34 и сл.

стей Руси, содержащих финно-угорские элементы культуры и погребальной обрядности¹². Такое картирование, обнаруживающее островной характер финской культуры XII—XIII вв., ретроспективно может быть использовано для реконструкции этногеографии более раннего времени.

Исторический процесс славяно-финского симбиоза можно предположить следующим образом. Первый этап славяно-финно-угорских этнических контактов относится ещё к догосударственному периоду русской истории. Во второй половине I тыс. н.э. начинается освоение славянскими племенами лесной зоны Восточной Европы. Сравнительно рано, в VI—VIII вв. — славяне занимают южные территории будущей Новгородско-Псковской земли. О наличии здесь аборигенного финского населения свидетельствует мощный пласт древней финно-угорской гидронимии¹³, ранние городища и селища с текстильной керамикой¹⁴ и пока единичные погребальные памятники прибалтийского типа, относящиеся к III—IV и VI—VII вв.¹⁵ Процесс начальной ассимиляции чудских племен в зоне раннего славянского расселения фиксируется на материалах погребальных памятников VI—X вв., представленных сопками и длинными курганами¹⁶. Очевидно, ко времени образования Древнерусского государства этот процесс уже, в основном, завершился; летопись не упоминает „иных язычей” в ареале первоначального расселения словен новгородских, почти не встречаются субстратные чудские элементы и в памятниках XI—XIII вв.

Новый этап в истории славяно-финских взаимодействий относится к эпохе создания Киевской державы. Он характерен многосторонним вовлечением в дела молодого государства финских племен, в том числе и тех, что находились на окраинах славянского расселения. Ещё накануне образования государства восточных славян в лесной зоне Восточной Европы летописью зафиксирована крупная „предгосударственная” федерация северных славянских (кривичи, словене) и финно-угорских (чудь, весь, меря) племен. Пле-

мена-федераты принимали активное участие во всех начальных событиях русской истории. Согласно летописным сказаниям в середине IX в. они совместно изгоняют „находников” — варягов за море, а затем объединяются под властью первых местных князей. Военные отряды чуди, мери и веси входят в состав княжеских ратей второй половины IX—X вв. Укрепляя южные границы молодого Киевского государства, Владимир Святославович заселяет в конце X в. города „по Десне, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне” „лучшими мужами” с севера, в том числе и „от чуди”. Феодализирующаяся верхушка финских племен нередко превращается в бояр и слуг великого князя, оседает в Новгороде и Киеве. Бурные события первых веков русской истории ускоряли изменения в социальной и общественной структуре северных чудских племен, нарушали их прежнюю этнокультурную замкнутость. В местах близкого соседства с русскими налаживалось внутрорегиональное контактирование. Возникли смешанные русско-финские поселения (и соответствующие им двухобщинные кладбища).

Финские племена, включенные в орбиту Киевской державы, испытали мощное культурное и техническое влияние со стороны восточного славянства и русских. В обмен на меха чудь получала оружие и украшения, втягивалась в сферу товарно-рыночных отношений, обращалась к международной торговле, замлепашеству, грамотности.

Отношения финнов со славянами и русскими в период раннего средневековья представляют своеобразный исторический феномен. В условиях формирующейся „империи Рюриковичей” с её ещё не укрепившимися межобластными связями и сохранявшимися пережитками родового строя чудские объединения лишь номинально входили в политико-административную систему государства. Зависимость ряда финских племен выражалась лишь в выплате дани и военной службе.

Обитавшие на северо-западе и севере Новгородской земли финские племена и группировки длительное время сохраняли полную политическую и территориальную автономию, обусловившую сохранение местных обычаев, нравов и верований. Русские крепости, войска, администрация (например, в Финляндии, в землях води, ижоры, большей части Карелии и Эстонии) отсутствовали¹⁷. Установились свобода торговли,

¹² Е. А. Рябинин, *Чудские племена древней Руси по археологическим данным*, [в:] *Финно-угры и славяне*, рис. 3.

¹³ Ср.: В. В. Седов, *Новгородские сопки*, Москва 1970, с. 30; А. И. Попов, *Топонимическое изучение Восточной Европы*, „Советское финно-угроведение”, 1948; вып. 1, с. 103—113.

¹⁴ Седов, *op. cit.*, с. 30—31.

¹⁵ V. V. Alexandrov, A. M. Tallgren, *Funde aus der römischen Eisenzeit im Gouv. Novgorod*, ESA, t. 5, Helsinki 1930, s. 100—108.

¹⁶ Седов, *op. cit.*, его же, *Длинные курганы кривичей*, Москва 1974.

¹⁷ И. П. Шаскольский, *Борьба Руси против крепостной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв.*, Ленинград 1978, с. 16 и сл.

веротерпимость, „расовое” равноправие, выполнялись союзные обязательства.

Самостоятельность финских племен сохранялась и позже. Характерно, что XII—XIV вв., когда восточные карелы территориально уже входили в состав Новгорода, у них имелись племенные городки и укрепленные убежища, достигла расцвета богатая, во многом самобытная культура и получил законченное оформление местный костюм, главным образом, женский. Беспрепятственно распространялись местные украшения и языческие обереги. Ещё в XVI в. на громадной территории от Наровы до Белого моря стояли кумиры, священные камни и рощи, насыпались курганные кладбища, жрецы устраивали „бесовские игрища”.

Разумеется, нельзя идеализировать отношения, сложившиеся между северными финнами и Русью. Не всегда они были мирными, особенно, в периоды обострения военной обстановки на границах. Уже в X столетии начинают проследиваться явления, знаменующие переход к более прочным, чем даннические, политическим и экономическим связям. Их реализация имела длительную и сложную историю, занявшую много столетий.

II

Новые археологические исследования позволяют конкретизировать сложные этнокультурные процессы, по-разному протекавшие в различных районах Северной Руси. В X—XI вв. зоны яркой финской культуры, уже испытавшей определенное славянское воздействие, выявляются в юго-восточном Приладожье и на восточном побережье Чудского озера.

В северо-восточном Причудье, заключенном в треугольнике между восточным берегом Чудского озера (в его северной половине), рекой Наровой с западной стороны и рекой Плюсой с восточной, выявлена богатая культура финского населения XI в.¹⁸ Её специфику определяет целый ряд характерных местных типов древностей (например, своеобразные крупные загнутые височные кольца, шейные гривны с „рыльцами”) и значительное распространение в курганной культуре элементов прибалтийско-финского и общеприбалтийского происхождения. По сравнению с более северной территорией

в погребальных памятниках северо-восточного Причудья почти не представлены орудия труда¹⁹, фактически отсутствуют и захоронения в сидячем положении. Культура восточного побережья Чудского озера традиционно сопоставлялась с древностями Ижорской возвышенности, на которой, по летописным данным, и обитала восточная карельская группа, и обитала восточная карельская группа. Однако сближение двух регионов наблюдается лишь в XII—XIII вв. и обусловлено оно, в первую очередь, возросшим влиянием со стороны Новгорода. В более же раннее время на смежных территориях фиксируются два этнически неоднородных финно-угорских образования. В литературе уже делалась попытка объяснить эти различия локализацией в Причудье особой группы „южной” восточной карельской группы²⁰, которую, однако, не знают средневековые письменные источники. Вместе с тем, в летописях упоминается во многом загадочное племя норва (нерова), которое как раз и может быть сопоставлено с финским населением, обитавшем в северо-восточном Причудье, а также и в Понаровье.

Местонахождение этого, по-видимому, родственного восточной карельской группе племени²¹ затруднено вследствие того, что оно упоминается в летописи (в качестве бесспорного этнонима) лишь один раз при перечислении „язычей иже дань дают Русси”²². Наименование рассматриваемой группировки отождествляют с северо-эстонской еревой, мерей, а также жмудью (последняя названа в одной летописи неромой)²³. Первые два этнонима к нашему сюжету отношения не имеют²⁴. Что касается неромы, то как показал А. И. Попов, это название, обозначающее жмудь, является финской калькой литовского термина²⁵.

Ещё А. М. Шегрен справедливо связал этноним норва с наименованием р. Наровы (Нарва). Именно в этом районе и следует искать первоначальную племенную территорию одноименного племени, которая простиралась, очевидно, по обе стороны реки, захватывая и восточное побе-

¹⁹ Е. А. Рябинин, *Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли*, КСИА 1974, вып. 139, с. 23—26.

²⁰ Х. А. Моора, А. Х. Моора, *Из этнической истории восточной карелии*, [в:] *Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений*, Таллин 1965, с. 72—85.

²¹ Третьяков, *У истоков древнерусской...*, с. 142—143.

²² *Лаврентьевская летопись*, ПСРЛ 1962, т. 1, с. 11.

²³ *Летописец Переяславля Суздальского*, Москва 1851, с. 2.

²⁴ Сравни: Г. А. Хабургаев, *Этнонимия „Повести временных лет”*, Москва 1979, с. 223, прим. 135.

²⁵ А. И. Попов, *Названия народов СССР*, Ленинград 1973, с. 70 и 97.

¹⁸ Н. В. Хвощинская, *Западные районы Новгородской земли в начале II тыс. н.э. Автореф. канд. дис.*, Ленинград 1978.

режье Чудского озера. Характерно, что в XIII в. Понаровье было административно ничейным, располагаясь между землями захваченной датчанами северной Эстонии и новгородско-псковскими владениями²⁶. Попытки захватить район наталкивались на противодействие. Так в 1269 г. немцы просили новгородцев о мире „Норовы всей отступаемя”²⁷. В дальнейшем Нарова становится пограничной рекой между Орденом и Русью. В XIV—XV вв. обитатели псковской стороны реки назывались неровляне (норовляне, норовцы), что намекает на былую экстерриториальность этого этнически особого района. Значение принаровской чуди видно из того, что с её именем связывают название Неревского конца Новгорода²⁸. Относительно ранее исчезновение нарovy объясняется, с одной стороны, русификацией области (археологически здесь прослеживается замена в течение XII—XIII вв. местных культурных элементов общерусскими), с другой — пограничным положением района — с XIII в. арены частых военных столкновений, видимо, вызвавших рассеяние и частичной отлив коренного населения в том числе на псковскую сторону недавно „племенной” реки.

Итак, сопоставление данных истории и археологии в какой-то мере позволило прояснить вопрос о существовании и границах некогда, видимо, заметного чудского образования, обладавшего собственной культурой и наделенного сохранившимся летописным самоназванием.

III

Сходно с Северо-Восточным Причудьем развивались события и к востоку от Ладоги на землях Юго-Восточного Приладожья. Их политико-административное включение в состав Киевской державы начинается со второй половины XI, особенно начала XII в., когда усилилось доминирующее военное положение Ладожской крепости. В предшествующие полтора столетия в южном Приладожье сложилась яркая финно-угорская курганная культура. Осуществленные В. А. Назаренко новые исследования определили динамику формирования, этнический и социальный облик приладожского общества X—XI вв.

Своеобразие этой культуры обусловлено как её внутренним развитием, так и связью с древнерусской Ладогой. Местное население, видимо, активно участвовало в экономической жизни этого центра, сохраняя, однако, определенную самостоятельность. В состав этого чудского племенного объединения вошли отдельные группы скандинавов, осевших в южном Приладожье в качестве посредников в меховой торговле. Выделение богатых семей, рост имущественных различий, участие в общерусских походах способствовали феодализации ладожского общества. На этой основе в X-начале XI вв. здесь ускоряется процесс формирования этнокультурной общности, условное имя которой не весь (как обычно считали), а „приладожская чудь”²⁹. Образование малой финно-угорской народности в этом районе, по мнению В. А. Назаренко, не завершилось в связи с ранним и прочным вхождением Приладожья в состав Новгородской земли. Характерно, что ко времени образования подвластного Новгороду Обонежского ряда приладожская курганная культура прекратила свое существование.

Чудская группировка, обитавшая в юго-восточном Приладожье и археологически представленная 1113 курганами в 172 группах, непосредственно соседствовала на западе с народом, который может быть конкретно назван как приладожская лопь. В литературе этому образованию не повезло. О нем или упоминали вскользь или не замечали вовсе. Между тем, речь идет о довольно заметной автохтонной общности, компактно занимавшей в раннее средневековье значительные территории южного Приладожья и отчасти может быть некоторых смежных районов — сколке большого массива саамских племен Фенно-Скандинавии. Для обоснования высказанного предположения приведем сообщения письменных источников.

Впервые лопь названа в папских буллах 1171 и 1239 гг. в ряду крупнейших языческих племен, населявших окраины Северной Руси („*pagani carolie, ingrie, lappie et watlandie*”)³⁰. Нельзя, конечно, исключить, что сведения булл относились вообще к северным лапландцам. Однако, судя по тому что в папских посланиях лопь отмечена среди финских племен, в той или иной мере подвластных Новгороду, а также и то, что за-

²⁶ А. Моора, *Очерки этнической истории Причудья* (на эстонск. яз.). Таллин 1964, с. 285.

²⁷ *Новгородская первая летопись...*, с. 88 и 319.

²⁸ В. Л. Янин, Б. А. Колчин, *Итоги и перспективы новгородской археологии*, [В:] *Археологическое изучение Новгорода*, Москва 1978, с. 45.

²⁹ В. А. Назаренко, *О погребальном ритуале приладожских курганов с очагами*, КСИА, 1974, вып. 140, с. 39—45.

³⁰ А. J. Sjögren, *Über die finnische Bevölkerung des St. Petersburgischen Gouvernement und über den Ursprung des Namens Ingermanland*, S.Pb. 1833, p. 66, 76.

прещалось ввозить к язычникам оружие, железо, медь, свинец и лошадей³¹, речь скорее всего шла не о северных полукочевых лопарях-оленоводах, а об их более южных приладожских собратьях, действительно граничивших или находившихся поблизости с карелой, ижорой и водью.

Свидетельства отечественных письменных источников позволяют более конкретно судить о племени, названном в далеком Риме. В уставе князя Ярослава „о местех” — документе XIII в. в составе основных особо поименованных районов Новгородской земли названа Лопская сотня³². Эта сотня, несомненно, занимала особый район, находившийся в составе государственной территории. Для сравнения отметим, что лопь Заонежья и Кольского полуострова — „дикая”, „лешая”, терская — платила Новгороду дань и непосредственно в границы его земли, во всяком случае в XIII в., не входила³³.

Следующее упоминание новгородской лопи содержится к проекту договорной грамоты Новгорода с Казимиром IV, подготовленном в 1470—1471 г. В нем отмечено, что лопца, (как она в данном случае названа) по денежной повинности стояла на пятом месте после города Руси, Водской земли, города Ладоги, а также ижоры³⁴.

Конкретные географические сведения о новгородской лопи, хотя относительно поздние, не позволяют определить район её обитания. В писцовой книге Водской пятины 1500/1501 гг. обозначен Егорьевский Лопский погост Ореховского уезда, который занимал территорию южного побережья Ладожского озера по течению рек Назиы, Шельдихи, Лавы (Лавуи), размером примерно 30 × 40 км³⁵. Западная граница погоста доходила до Орешка — его южное предградье называлось Лопской стороной. Кроме того, на р. Лаве и восточном побережье юго-западного залива Ладож-

ского озера в упомянутой книге отмечена волость Лопца, входившая в Ладожской уезд³⁶.

На территории Лопского погоста и волости в 1500/1501 гг. насчитывается 141 населенный пункт, которые по их наименованию можно разделить на три группы³⁷. К первой — относятся не менее 57 топонимов с характерным формантом (показателем места) — *ла* (Кавакала, Вихкала, Тяврела, Гахкола, Лавгула, Кандила, Лахкола, Гамола, Лонгала, Вирдела, Карола, Пирола, Киризла, Гювила, Тавикала, Нахкула и т.п.). При всем том, что приведенные наименования имеют общий прибалтийско-финский показатель, их конкретная этнопринадлежность точно обобщена в названии самого погоста и как территориальной единицы, и как центрального поселения.

В особую группу выделяются смешанные русско-прибалтийско-финские наименования: Селкова Лауя, Кинилжа Климова, Кинилжа Яхнова, Конец в Сироле, Сосарь Большой двор, Замошье Арбуево, Конец Нахкулы на ручье, Марковское Мустуева на Назье, Турпы на Вихтерицах, Каменка же Пагикала, Лонгула Якушовское, Подол Нахкула у погоста, Ламола Гора. В этом перечне заметно, как русская терминология сочетается (или наслаивается) с местной, что, вероятно, связано с появлением здесь новых поселенцев, селившихся рядом с коренными жителями и сменой дворовладельцев деревень.

Около 70 деревень Лопской земли в 1500/1501 гг. по названию были русскими.

Итак, сочетание в Лопском погосте трех групп топонимов, несомненно, отражало нарастающую смешанность его населения. Распространение русских географических названий показывает, что в крае, очевидно, ещё в новгородское время появилось русское крестьянство, обосновавшееся на пригодных для земледелия приречных и пойменных землях в соседстве с коренными жителями.

Примечательно, что писцовая книга 1500/1501 гг. не различает местных и новооснованных деревень по уровню развития хозяйства и занятиям их жителей. Документы начала XVI в. фиксируют, таким образом, примечательное явление, а именно: превращение коренных жителей края

³¹ С. С. Гадзяцкий, *Вотская и Ижорская земля Новгородского государства*, „Исторические записки” 1940, т. 6, с. 104.

³² *Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв.*, Москва 1976, с. 152. Устав князя Ярослава о местех, включающий вставку с перечнем „сотен” обоснованно датирован В. Л. Яниным 60-ми гг. XIII в. (см. его: *Очерки комплексного источниковедения*, Москва 1977, с. 116).

³³ Н. Харузин, *Русские лопари*, Москва 1899, с. 33—34; Насонов, „Русская земля” ..., с. 114 и 116. Терская дань стала поступать в Новгород не позже последней трети XII в.

³⁴ А. А. Зимин, *Памятники русского права*, Москва 1953, т. 2, с. 249. В Новгороде найдена грамота около 1400 г. с упоминанием лопаря („лопинь”) — см. А. В. Арциховский, В. И. Борковский, *Новгородские грамоты на бересте*. Москва 1963, с. 75—76.

³⁵ Архим. Сергей, *Карты Водской пятины и её погостов*, СПб. 1905.

³⁶ К. А. Неволлин, *О пятинах и погостах новгородских в XVI веке*, „Записки РГО”, кн. VIII, СПб. 1893, с. 59.

³⁷ *Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года*, „Временник МОИДР” 1851, кн. 11, с. 86—91 и 257—286. В деревнях Лопского погоста и волости в 1500/1501 гг. проживало 394 дворовладельца. Исходя из средней численности семьи в 5 человек, можно представить, что все население края, вряд ли намного превышало 2000 человек.

в оседлых земледельцев, которые сеяли рожь, овес, косили сено. Жили эти люди в одно- и мало дворных деревнях и в отношении занятий разительно отличались от своих далеких северных сородичей.

Переход к совершенно новой системе хозяйства — земледелию — принес приладожской лопи экономическое обновление о одновременно способствовал её ассимиляции. Русификация приладожской лопи растянулась на многие века. Одна из причин длительного существования лопи объясняется труднодоступностью части её территории, насыщенной болотами, непроезжими лесами и мхами и поэтому не привлекавшей пришлых новгородских и, позднее, московских переселенцев³⁸.

Судя по распространению в южном Приладожье „чудских” по названию поселений, лопская область некогда занимала большую территорию, чем та, что была описана в писцовой книге 1500/1501 гг. Лопская земля XVI в. — сколок далеко зашедшего дробления некогда однородного по населению крупного региона. Мы судим об этом потому, что пограничные с Лопским погостом района включали селения с названиями, фонетически сходными с лопскими. Обращает внимание плотное скопление чудских топонимов в бассейнах рек Сары и Кобоны (Кобона, Маруя, Вирола, Легмасарь, Митола, Колосарь, Сибела, Пигрола, Горгола, Когочала, Войбакала, Кондима). Все они находятся к востоку от Лопского погоста, но несомненно были объединены с ним общей этнолингвистической основой. Расположенная в этих местах Лопца также указывает, что восточные границы лопи не ограничивались р. Лавой и пролегали ближе к городу Ладоге. В окрестностях этой последней и поныне находится д. Лопино, а в самом имени Ладога (как реки, так и города) усматривается вероятность его саамского происхождения³⁹. Условно исковую юго-приладожскую область саамского обитания периода раннего средневековья на основании имеющихся топонимических данных можно поместить между реками Мгой и Волховом. На востоке лопь соприкасалась с приладожской чудью, а позднее с Ладожской городской волостью,

на западе — где-то в районе к югу от Орешка — с ижорой⁴⁰. Последней обычно приписывались, как теперь думается несправедливо, все лопские владения.

Древности новгородской лопи известны крайне недостаточно. Отметим отдельные находки. Старейшие из них связаны с временами какой-то военной напряженности, что имело место на рубеже XI и XII вв. Таков клад серебряных вещей, найденный у знаменитой своими плитными работками д. Путилова Ленинградской области. Он зарыт тогда же, когда в прибрежных и приозерных местах севера от реки Дуги до Свири жители прятали свои сокровища⁴¹. Один такой клад найден и в окрестностях Ладоги, чьи укрепления, видимо, в результате нападения сгорели в начале XII в. Известно, что в первые два десятилетия того же столетия князем Мстиславом Владимировичем предпринимались античудские походы. Первый из них состоялся в 1105 г. — „идоша (новгородцы — авт.) в Ладогу на войну”⁴². Не связано ли зарытие северных кладов с русско-чудскими столкновениями, развернувшимися в тот период на широком фронте от Ладоги до Степя!

Возможно, что в этот беспокойный период было основано пока единственное зафиксированное в Лопской земле городище мысового типа, находящееся у д. Городище на высоком обрыве над р. Лавой, в 9 км к востоку от Путилова. Обследовавший это городище в 1978 г. В. П. Петренко обнаружил, что оно существовало в XI—XIV вв. и в XVII в. было приспособлено для пограничного дозорного пункта на русско-шведской границе⁴³. На площадке городища, размером 70 × 100 м., с напольной стороны окруженного мощным, высотой до 4 м, полукольцевым валом, почти не встречено находок⁴⁴. Очевидно, оно использовалось в качестве убежища окрестного населения. Судя по тому, что около 1500 г. городище утратило самоназвание, то есть было

⁴⁰ Определение этого рубежа подсказывается границей Ярвельского и Ижорского погостов, проходившей в 1500 г. к востоку от р. Тосны.

⁴¹ Г. Ф. Корзухина, *Русские клады*, Москва—Ленинград 1954, с. 39—40, клады пг пг 56—62, путиловский клад — табл. XXVIII.

⁴² *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва 1950, с. 19.

⁴³ Данное укрепление не следует путать с Лавуйской заставой, Лавой или Лабой, располагавшейся в устье реки Лавы, что точно зафиксировано на картах 1666, 1680 и 1696 гг. (*Vanhoja suomen karttoja*, Helsingissä 1973, no 20, 25, 27).

⁴⁴ Любезное сообщение В. П. Петренко, который произвел на городище пробные раскопки и обнаружил, в частности, обломки русской средневековой керамики.

³⁸ На шведских картах конца XVII в. Лопский погост пересекала единственная дорога, проходившая от Орешка к низовьям Волхова. На этих же картах показана слабая освоенность и заселенность южных частей погоста (L. Vagrow, H. Kölin, *Maps of the Neva river and adjacent areas in Swedish archives, Anecdota cartographica*, III, Malmö 1953, t. 12,2; 13).

³⁹ А. П. Попов, *Следы времени миновавших*, Ленинград 1980, с. 91.

заброшено и находилось в Теребужском погосте Ладожского уезда⁴⁵, речь идет об острожке, существовавшем в пору, когда граница лопш подступала к Ладоге. По своему местоположению на главной реке Лаве это поселение может рассматриваться центральным и, видимо, единственным укреплением края.

Сменивший лавуйский острожок новый центр области — погост Лопский, отмечен в писцовой книге 1500/1501 гг. и точно локализован на шведских картах 1680—1690 гг.⁴⁶ В этих местах ещё в XIX в. по сведениям П. И. Кеппена находилась *Loppi-kolka* (Лопский околоток), состоящая из 5 деревень⁴⁷.

Единственный, претендующий считаться лопским, грунтовой могильник открыт при случайных работах у станции Пупышево Ленинградской области. Здесь при 30 разрушенных земляными работами костяках найдены вещи примерно XIII в. карельских и в основном русских типов — черепаховидные фибулы, решетчатые подвески, ромбоштитковые височные кольца, крестозамкнутые лунницы, браслеты, серебряные полые бусы с напаянными колечками⁴⁸. Перечисленные металлические находки, насколько об этом можно судить по зарисовкам и фотографиям, имеют в основном привозной характер, что согласуется с письменными известиями о северных лопарях, покупавших разнообразные изделия и даже посуду. Пупышево находится в зоне предполагаемого обитания лопи, расположенной к востоку от р. Лавы. Если лопь хоронили в грунтовых могильниках, а её металлическая культура была заимствованной от соседей, то понятно, как трудно искать её древности и почему, за редким исключением, они ещё остаются невыясненными.

Острова саамского населения могли сохраняться и в зоне упоминавшейся выше приладожской чуди. Постановка такого вопроса требует специальных исследований. Впредь до их проведения обратим внимание на удивительное сходство некоторых, в большинстве относящихся к XI—XII вв., находок, происходящих из лопарских жертвенных мест северной Швеции и курганов Юго-восточного Приладожья. В обоих регионах

открыты совершенно тождественные уточки, коньки, двухконьковые и лапчатые подвески⁴⁹. Совпадение наборов украшений объясняют торговлей. Не кроются ли здесь, однако, более глубокие связи религиозного и этнического порядка, обусловившие общение и дальние поездки родственных групп людей. Если последнее справедливо, то в составе приладожской чуди действительно могли существовать проявлявшие значительную подвижность, лопарские коллективы.

Каким бы предварительным не показалось выяснение вопроса о приладожской лопи, она вправе считаться тем своеобразным историко-этнографическим образованием, которое закрывает собой ещё одно белое пятно на этнической карте севера средневековой Восточной Европы.

IV

На примере наровы и лопи устанавливается, что их полное или частичное поглощение древнерусской народностью уже в XII в. зашло так далеко, что в источниках стиралось или редко употреблялось их собственное имя. Историческая судьба финских племен, однако, была различной, что, видимо, объяснялось неравномерностью их социально-экономического и культурного развития, а также темпами крестьянской колонизации территории этих объединений. Наиболее благоприятные условия для сохранения этнической самобытности имели племена, оказавшиеся, вроде приладожской лопи, в стороне от основных путей широкого славянского расселения.

Как установлено, оформление и расцвет культур воды, керелы и, очевидно, ижоры относятся к XII—XIV вв., то есть времени, когда эти племена все более прочно входили в состав Новгородской земли. С другой стороны, соседство и многообразные связи „иноплеменников” с русскими городами привело к усилению влияния на них древнерусской ремесленной культуры. Коснемся в связи с этим древностей XI—XIII вв. Ижорского плато — плодородной житницы Великого Новгорода. Громадное количество раскопанных курганов этого района Новгородской

⁴⁵ *Переписная окладная книга...*, с. 61.

⁴⁶ Ваггов und Kölin, *Maps...*, 11; 12,2; 13; сравни А. И. Гиппинг и А. А. Куник, *Карты и планы Невы и Ниеншанца*, СПб. 1913, табл. 11.

⁴⁷ П. И. Кеппен, *Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России*, СПб. 1869, с. 82.

⁴⁸ А. М. Tallgren, *The Prehistory of Ingria*, Helsinki 1938, t. 12, fig. 21; „Корочки А. А. Ницшица”, Архив ЛОИА, Ф. 5, д. 374, л. 11 и 12.

⁴⁹ I. Serning, *Lapska offerplatsfund från järnålder och medeltid i de Svenska Lappmarkerna*, Uppsala 1976, pl. 2,6 и далее. В этих жертвенных местах находят разнообразные изделия из металла, кости, глины, камня, кости животных. Некоторые из них, вероятно, привозились их южной Швеции, Норвегии, восточно-прибалтийских стран, Пермской области. Эти места использовались для культовых целей вплоть до XVII в. (Т. I. Itkonen, *Lappalaiset Suomen suku*, II osa. Helsinki 1928, p. 256, 257).

земли казались древнерусскими. Действительно, они заполнены заупокойными дарами общерусских форм. Видимо, широкое проникновение продукции городских мастеров в финскую округу и производство изделий на месте по городским образцам и способствовали образованию своеобразной древнерусской „вуалу”, скрадывающей этнические особенности чудских племен и группировок. Встает очередной вопрос: где проживало известное финское племя водь и как выделить принадлежащие ей памятники?

Водская культура формировалась в XII—XIII вв. под сильным влиянием Новгорода, где изготовляли на вывоз даже детали финского костюма⁵⁰. Водские земледельцы в XII—XIII вв., действительно, в изобилии пользовались привозными новгородскими вещами. Однако, в этой массе изделий В. В. Седову удалось открыть этноопределяющие аборигенов многобусенные височные кольца и полые зооморфные „конька” или „барашки”⁵¹. Эти вещи распространились не ранее конца XII в. оставляли открытым опознание воды на более ранних этапах её развития. В результате исследований, проведенных в последние годы Ижорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР, этот вопрос проясняется.

Примером может служить интересный погребальный памятник, исследованный в самое последнее время близ д. Бегуницы Ленинградской области, в территориальной близости от центра Водской земли — крепости Копорья⁵². В XI в. здесь появляются первые курганные насыпи, под которыми погребены умершие с необычной для славян восточной ориентировкой, а в инвентаре захоронений отчетливо проявляются элементы культуры прибалтийско-финского происхождения. Несомненно принадлежность умерших к чудскому этническому массиву. Примерно на рубеже XI—XII вв. рядом с финнами поселяются славянские колонисты, захоронения которых образуют

в составе могильника компактную группу. В этой группе встречены только погребения с западной ориентировкой и с вещами древнерусских типов. На материалах последующего времени (XII—XIII вв.) наблюдается постепенное сближение двух разнотнических коллективов, проявляющееся в полном исчезновении финно-угорских элементов материальной культуры и распространении единых древнерусских типов изделий. Но местное чудское (вероятно, водское) население не растворяется при этом в славянско-русской среде. Оно продолжает сохранять свои племенные традиции в характере погребальной обрядности, что нашло выражение в восточной ориентировке умерших, специфических деталях ритуала захоронений. На фоне постепенной нивелировки и „оновгороживания” местной материальной культуры более стойкими и консервативным выступают элементы, отражающие представления культового порядка. Это, на наш взгляд, наглядный пример аккультурации чудского населения в конкретных условиях совместного проживания разнотнических коллективов и сильном культурном влиянии со стороны русских, ставшим особенно интенсивным благодаря территориальной близости крупнейшего торгово-ремесленного центра Северо-Западной Руси — Новгорода Великого.

Полученные данные позволяют по-новому подойти и к проблеме выделения памятников воды на раннем этапе её письменной истории. До настоящего времени фактически остаются неизвестными могильники с чудской этнической подосновой, относящиеся к XI-первой половине XII в. Вместе с тем, существующая источниковедческая база огромна и насчитывает свыше 6000 раскопанных курганных захоронений Водской земли. Древности края в первую очередь связаны с мощной новгородской, крестьянской колонизацией. Небезполезным явилось новое изучение средневековых сельских кладбищ. А последние, как теперь выясняется, и содержат в себе ценную этническую информацию относительно памятников XI—XII вв. И лишь с конца XII в., в эпоху сложения областной культуры Водской земли, ориентированной на Новгород и имеющей, в целом, древнерусский облик, в нее начинают проследиваться локальные особенности, обязанные своим происхождением местному финно-угорскому субстрату.

Есть основания полагать, что этнически смешанное население Ижорского плато, включившее в свой состав значительный водский компонент, и выступает в письменных источниках под именем „вожан” или „вотландцев” — термином, скорее, собирательным, обозначающим всех жи-

⁵⁰ Е. А. Рябинин, *Новгород и Северо-западная область Новгородской земли (культурные взаимодействия по археологическим данным)*, [в:] *Культура средневековой Руси*, Ленинград 1974, с. 56—61.

⁵¹ В. В. Седов, *Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.)*, СА, 1953, т. 18, с. 190—229; он же, *Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода*, КСИЭ 1952, т. 15, с. 72—83.

⁵² Е. А. Рябинин, *Славяно-финно-угорские взаимоотношения в Вотской земле (по материалам работ Ижорской экспедиции)*, КСИА, 1981, вып. 166, с. 28—34; он же, *Древнейший памятник воды в Новгородской земле*, [в:] *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1981*, Ленинград 1983, с. 482—493.

телей Водской земли независимо от их этнической принадлежности. Но, наряду с ними, существовала „чюдь” или „чюдца”, впервые упомянутая летописью под 1240—1241 гг. и, судя по этому сообщению, территориально соприкашавшаяся с вожанами в районе будущего центра Водской области — города-крепости Копорья⁵³.

Район расселения интересующей нас чуди документирован письменными источниками XV—XVI вв. и сопоставляется с территорией Никольского Толдожского и Воздвиженского Опольского погостов „в чюди”, располагавшихся к западу от Ижорской возвышенности вплоть до низовья р. Луги. Следует оговориться, что границы названных погостов, описанных в писцовой книге Водской пятины 1498—1501 гг. в более раннее время могли быть иными, а чюдь занимала более значительное пространство. В перекройке этнической карты края сыграли важную роль такие факторы, как приток новых поселенцев-землепашцев, хозяйственное освоение угодий и феодализация земли, завершившаяся примерно в XV в. Расселение чуди, зафиксированное в документах рубежа XV и XVI вв., для реконструкции мест её обитания в начале II тыс. н.э., требует, таким образом, ряд допусков и поправок. Как бы то ни было, в названиях погостов Водской пятины — с пояснением „в чюди” — со всей определенностью получил отражение особый этнический адрес их исконных обитателей. Более того, этническая номенклатура этих районов как бы противопоставляет местную „чюдь” остальному, очевидно преобладающему русскому, населению Водской пятины.

Привлечение исторических данных и материалов этнографии позволяет заключить, что финно-угорское население „чудских” погостов составляло ту часть водского племени, которая сохранила свою этническую самобытность и впоследствии послужила основой формирования современной водской народности. Почвенные условия этой территории с её низменным рельефом и многочисленными болотами явилось, очевидно, основным препятствием для славянского земледельческого освоения. Об этом красноречиво свидетельствует карта распространения курганных могильников XI—XIV вв., оставленных славянским или смешанным славяно-финским населением; судя по их ареалу, зона сплошной древнерусской колонизации Ижорской возвышенности заканчивается на западе как раз на границе с упомянутыми выше погостами „в чюди”. Единичные курганные кладбища, исследованные в дорево-

люционный период в пределах Никольского Толдожского и Воздвиженского Опольского погостов (Мануйлово, Войносолово), выделяются на фоне остальных средневековых могильников Водской земли насыщенностью специфическими древностями прибалтийско-финского происхождения и уже традиционно сопоставляются с бесспорными памятниками води⁵⁴.

В самое последнее время получены интересные данные о погребальном обряде и характере материальной культуры западной группы води. В 1983 г. Ижорской экспедицией ЛОИА АН СССР на территории Никольского Толдожского погоста зафиксирован ряд средневековых кладбищ чудского населения и предприняты раскопки двух могильников XIII—XIV вв. Встреченные в них труположения имели западную и восточную ориентировку. Захоронения совершены в жальничных могилах с поверхностными каменными оградками, образующих сплошные погребальные поля.

Большим своеобразием отличался женский чудской костюм. Одежда на груди умерших скреплялась бронзовыми, железными или костяными булавками, к которым прикреплялись цепочки с различными привесками. Верхняя часть одежды украшалась нашивными оловянными бляшками, бронзовыми колечками и спиральками. Передник окаймлялся спиральками, чередующимися с наборами из оловянных колечек. Обрамление из плетеных спиралек использовалось для украшения нагрудника и нижней части головного венчика.

В местной культуре, резко отличающейся от древнерусской, влияние последней выражено крайне слабо. В погребениях полностью отсутствуют браслеты и фибулы, почти не представлены височные украшения. Находки бус единичны, причем использовались они лишь в качестве привесок к нагрудным цепочкам.

Сопоставление археологических данных о населении Ижорской возвышенности и „чудских” погостов свидетельствует о разных исторических судьбах водского племени этих двух регионов. Если водские коллективы, заселявшие возвышенности, рано испытали на себе мощное древнерусское культурное и хозяйственное воздействие и, в конечном итоге, были ассимилированы, то водь, оказавшаяся за пределами славянской земледельческой колонизации, сумела сохранить особенности своего языка и культуры, став ос-

⁵³ Новгородская первая летопись..., с. 78.

⁵⁴ А. А. Спицын, *Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Иванского*, МАР 1896, nr 20, с. 48—52.

новой формирования современной водской народности.

Исторические данные о пребывании финно-угорского населения в главном поселении Водской области — Копорье — подтверждаются и археологическими материалами. На основе раскопок, проведенных здесь под руководством О. В. Овсянникова в 1970—1973 гг., можно предположить, что среди жителей поселка, основанного на позже XIII в., находились как финны, так и русские. В нижнем слое городища найдены привеска в виде конуса, двуспиральная и двурогай булавки⁵⁵. Последние изделия, как выясняется, широко использовались для украшения женской одежды у води „чудских” погостов. В этом же нижнем слое оказались и изделия обычного новгородского облика, такие как ромбошитковое височное кольцо, одежная бронзовая булавка, бронзовые браслеты и перстни, костяные гребни, шиферные пряслица, посуда.

О русском и финском населении Копорья и округи косвенно можно судить по отрывочным сведениям письменных источников, связанным с его владениями. Летопись, начиная с 1333 г., упоминает, о пожаловании Новгородом наемным литовским князьям „пол-Копорья”. Судя по данным писцовой книги около 1500 г., Копорское поселение, состоящее из 18 дворов, было слишком незначительным, чтобы делить его на две половины⁵⁶. Речь, очевидно, идет о разделе не только Копорья, но и его округи на податные части. В первой доли „кормились” служилые князья. Что касается другой, то по мнению В. Н. Бернадского, она могла принадлежать водским вождям, по заключению же В. Л. Янина — Белозерским князьям⁵⁷. Существование копорской знати явно не литовского происхождения сомнению не подлежит.

Раздел Копорья на два, адресованного двум военачальникам и управителям, кормления не случаен и, по-видимому, отражал две разграниченные системы обложения местного русского и водского населения. Новые археологические поиски как будто позволяют судить о поселениях „водской” половины Копорской округи. Одной из резиденций племенной знати, пунктом укрытия окрестного населения и созыва местного вой-

ска могло быть находившееся в 20 км юго-западнее Копорья укрепленное поселение у с. Кайболово⁵⁸. Городище размером 150 × 120 м располагается в изгибе реки Сумы. С напольной стороны оно ограждено валом высотой 2—3 м и рвом. Поверхность вала покрыта выкладкой из плитняка. Исследователи, обследовавшие городище в 1956, 1960, 1971 и 1974 гг., отмечали, что при шурфовке площадки городища культурных остатков не встречено⁵⁹. Лишь в 1980 г. Ижорской экспедицией ЛОИА АН СССР удалось выявить остатки жилых и хозяйственных построек, датируемых по вещевому материалу концом XII—серединой XIII в. С учетом того, что на большей части городища культурный слой, видимо, отсутствует, оно использовалось в качестве убежища окрестного населения. Если признать Кайболовское городище водским племенным острожком, возникшем в начале XIII в., то его запустение, вероятно, связано с ликвидацией в середине XV в. автономии туземной знати, равно как и отмиранием двух систем кормления⁶⁰.

В 1977 г. к востоку от Копорья близ д. Воронино удалось обнаружить ещё одно городище мысового типа, типологически сходное с Кайболовским. Оно занимало площадку 150 × 90 м и с напольной стороны было отделено валом высотой 2—2,5 м и рвом. Шурфы, заложенные внутри огражденной валами территории, культурного слоя не выявили. Характерно, что оба рассматриваемых водских городища тяготеют к Копорью, как бы отмечая собой определенный поселенческий район, где в XVI в. существует Каргальский погост Водской пятины⁶¹. Не исключено, что на территории Водской земли в ход дальнейших исканий будут обнаружены и другие укрепленные поселения, обладавшие функциями территориальных центров и военных убежищ.

Возникновение водских городков может быть поставлено во взаимосвязь с явлениями военно-

⁵⁸ Под названием Кайбала существовало в Копорском уезде около 1500 г.

⁵⁹ П. А. Раппапорт, *Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси X—XV вв.*, МИА 1961, 105, с. 35 и рис. 32 и 52.

⁶⁰ Е. А. Рябинин, *Исследования в западных районах Ленинградской области*, [в:] *Археологические открытия 1980 г.*, Москва 1981, с. 27. В последний раз о пол-Копорье упомянуто под 1459 г. (*Летопись Авраамки*, ПСРЛ 1889, т. 16, СПб., с. 198).

⁶¹ Близи к описанным городища мысового типа, находящиеся на Гдовщине у д. Городище в 6 км от Гдова и у д. Сторожинец на берегу Речицкого озера (сравни: П. А. Раппапорт, *Очерки по истории...*, с. 35, рис. 20). Возможно, что гдовские укрепленные поселения приблизительно одно-временны окопопорским.

⁵⁵ А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников, *Крепость Копорье по новым данным архитектурио-археологических исследований*, СА 1973, т. 3, с. 103—118.

⁵⁶ *Новгородские писцовые книги*, СПб. 1868, т. 3, столб. 494.

⁵⁷ В. Н. Бернадский, *Новгород и Новгородская земля в XV веке*, Москва—Ленинград 1961, с. 121—122; В. Л. Янин, *Князья Копорские*, „Вестник МГУ”. Серия 8, история, Москва 1978, 6, с. 14—24.

-политического порядка. Именно в XIII в. участились вражеские нападения на край и постепенно была осознана необходимость его укрепления. Известия о военных нападениях на Вотландию и Игрию — Водскую и Ижорскую земли рисуют многолюдную область, полную зажиточных поселений и скота⁶². В 1240, 1256, 1294 гг. предпринимались зафиксированные летописью первые попытки поставления немцами, датчанами, а также сумью и емью укрепленных острожков (Копорье, „город” на Нарове⁶³). Местные поселенцы, ещё в начале XIII в. не имевшие укреплений, могли прибегнуть к ответным оборонительным мерам и начать строить собственные защитные сооружения. В условиях нарастающей борьбы с агрессией извне новгородцы этому, вероятно, только способствовали.

Итак, на примере Копорья и округа можно предположить параллельное существование русского и водского податных секторов и относящихся к ним разных территорий и, соответственно, „городов”. С этим явлением можно связать и созывы отрядов вожан, упомянутых на протяжении XI—XIV вв. самостоятельно и в составе новгородской рати.

V

Крайне слабо изучены остаются памятники ижоры, заселявшей в эпоху средневековья южное побережье Финского залива, бассейны рек Невы и Ижоры. Согласно наблюдениям лингвистов, формирование ижорского племени связано с относительно поздним продвижением на эту территорию части древних карел и их последующим обособлением⁶⁴. Поэтому и местная культура на раннем этапе становления ижорской группировки должна была, по-видимому, иметь значительное сходство с культурой Северо-Западного Приладожья. В пользу такого предположения свидетельствуют отдельные находки вещей карельских типов, известные на рассматриваемой территории, и набор инвентаря из разрушенных грунтовых погребений, обнаруженных при случайных обстоятельствах у д. Мишкино в междуречье р. Мги и Тосны и в Инкере-Войскорово (Ям-

-Ижора) в нижнем течении р. Ижора⁶⁵. Датируются эти памятники XIII—XIV вв.

В отличие от Водской земли Ижорская (так же как и Лопская) оказывается, в основном, вне ареала древнерусской курганной культуры. Это свидетельствует о несколько ином характере славяно — ижорских взаимодействий, не сопровождавшихся широкой земледельческой колонизацией земель ижоры. Культурное влияние со стороны славян в данном случае проявлялось в форме внешних связей — в частности, в распространении среди местного населения вещей древнерусских типов. Примечательно, что даже в материалах одного из наиболее ранних погребальных памятников — Ям-Ижорского могильника (XIII в.) — уже выявляется определенное древнерусское влияние: набор украшений в женском захоронении, имеющий, в целом, древнекарельский облик, сочетается с изделиями, типичными для новгородских словен (щитковоконечное височное кольцо, шейная гривна).

Летописное известие 1240 г. о Пелгусии — старейшине Ижорской земли, живущем „посреде роду своего погана суца” — рисует картину патриархального быта небольшой обособленной языческой народности. По государственному предписанию выполнялась сторожевая морская служба на Неве⁶⁶. Ижора, кроме того, подобно води и карелам, выставляла отряд самостоятельно и в составе новгородской рати, участвовавшей в военных делах⁶⁷.

Оказавшись в стороне от магистральных путей славянской колонизации, ижора сохранила свой бескурганый (возможно близкий лопскому) обряд погребения. Лишь в пограничной зоне, на восточной окраине Ижорской возвышенности, можно выделить несколько курганных захоронений, которые предположительно сопоставляются с памятниками „обрусевшей” ижоры. Вместе

⁶⁵ ОАК за 1904 г. Отд. II: *Случайные находки и приобретения*, СПб, 1907, с. 109, 110, рис. 200—202; А. М. Таллиген, *Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord*, ESA 1928, t. 3, p. 20; он же, *Die Sammlungen im Nationalmuseum Finnland*, ESA 1928, s. 162—164, Abb. 38—42; он же, *The Prehistory of Ingria*, p. 102, 103, fig. 28.

К памятникам ижорского населения относятся обычно и бескурганый могильник XIII вв., исследованный В. И. Равдоникасом в Гатчине. Однако инвентарь этого могильника имеет обычный древнерусский облик и его предложенная этническая атрибуция отнюдь не бесспорна (В. И. Равдоникас, *Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчина)*, „Сообщения ГАИМК” 1932, nr 11—12, с. 24—31).

⁶⁶ *Новгородская первая летопись...*, с. 292.

⁶⁷ Такого рода случаи отмечены под 1228, 1241, 1270, 1316, 1292, 1314 и 1444 г. (*Новгородская первая летопись...*, с. 65 и сл.).

⁶² Г. Латвийский, *Хроника Ливонии*, Москва — Ленинград 1938, с. 222.

⁶³ *Новгородская первая летопись...*, с. 81 и сл.

⁶⁴ П. А. Аристэ, *Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития*, [в:] *Вопросы этнической истории эстонского народа*, Таллин 1956, с. 21, 22; А. Лаанест, *Историческая фонетика и морфология ижорского языка*, Автореф. докт. дис. Тарту 1978, с. 41—46.

с тем, существуют некоторые данные, позволяющие предполагать, что славяно-русское влияние отразилось и на погребальной обрядности этого населения.

В 1866 г. А. М. Раевской был исследован интересный грунтовой могильник в бассейне Коваша, на южном побережье Финского залива⁶⁸. Южная ориентировка умерших и находка бронзовых спиралек в одном из захоронений свидетельствует в пользу неславянской принадлежности этого памятника, вполне справедливо связываемого с ижорой. По находке монеты, чеканенной при Иване III, время функционирования кладбища определяется в рамках второй половины XV—XVI вв. Таким образом, рассматриваемый памятник отражает более поздний этап в истории ижорской группировки, чем немногочисленные грунтовые погребения XIII—XIV вв. Захоронения умерших на этом могильнике совершались в пределах естественного всхолмления, ограниченного с одной стороны глубоким оврагом.

Сходное топографическое положение имеет также грунтовой могильник, исследованный в последнее время в зоне сойкинского диалекта ижорского языка у дер. Гамолово⁶⁹. Раскопанные в 1980 г. девять труположений с юго-западной и северо-западной ориентировкой, датируются XV—XVII вв. Над некоторыми захоронениями отмечено наличие каменных овальных обкладок. Особый интерес представляет найденный при женском костяке фрагмент шерстяной ткани, украшенной бронзовыми спиральками; металлическая орнаментация женской одежды была, как уже отмечалось, особенно популярна у прибалтийско-финского населения средневековой эпохи.

В процессе археологического обследования южного побережья Финского залива и нижнего течения Луги в 1960—1980 гг. (Э. Ю. Тынисон⁷⁰, Е. А. Рябинин, О. И. Конькова) был зафиксирован ещё целый ряд грунтовых могильников в этнографической зоне ижорского расселения. Кладбища располагались на невысоких песчаных бугорках размерами 10—20 м (Лужица, Остров, Краколье, Липово, Извоз). Хронология этих памятников не определена, однако есть основания

провести их сопоставление с могильниками, исследованными А. М. Раевской и О. И. Коньковой. В этом случае можно констатировать наличие своеобразной традиции, свойственной ижоре в эпоху развитого и позднего средневековья и проявляющейся в обычае совершать грунтовые захоронения на небольших естественных всхолмлениях. Можно предположить, что подобная традиция сложилась и развивалась в условиях длительных этнокультурных контактов славян и местных финно-угров: ижора, сохранив грунтовой обряд погребения, тем не менее включила в него и усвоенный от соседей элемент, появившийся, правда, не в сооружении искусственных земляных насыпей, а в использовании для этой цели естественных возвышений.

VI

Перейдем теперь к некоторым вопросам историко-археологического изучения Корельской земли. Подобно другим финским племенам карелы длительное время находились лишь в даннических отношениях с Новгородом. Относительно времени территориального вхождения в состав Новгородского государства одни придерживаются мнения о том, что это произошло в XII в., другие — склоняются к XIII в.⁷¹ Полагаем, что при решении этого вопроса, имеющего отношение к выяснению северных границ Новгорода, следует учитывать внешнеполитические факторы, а именно шведскую экспансию, прямо нацеленную после покорения в 1249 г. центральной Финляндии на районы Приладожья и Невы.

Корельская земля как особая территория Новгородской Руси начинает упоминаться с 1270 г. Из сообщений о том, что в 1227 г. карелы были крещены князем Ярославом Всеволодовичем, а около 1251 г. были данниками Новгорода⁷², можно заключить, что это племя находилось тогда в номинальной зависимости от своего южного соседа⁷³. Вероятно, что ещё ранее, в XII в., между новгородцами и карелами существовал и военный союз. Участие последних в боевых действиях русского войска отмечено летописью,

⁶⁸ Донесение А. М. Раевской о раскопке в урочище Черной, ИОЛЕАЭ, 1875, т. 20, с. 31—33.

⁶⁹ О. И. Конькова, *Исследования на Сойкинском полуострове*, [в:] *Археологические открытия 1980 г.*, Москва 1981, с. 15.

⁷⁰ Э. Ю. Тыниссон, *Отчет о разведке ижорских и водских погребальных памятников в северо-западной части Ленинградской области*, Архив ИА АН СССР, р. нр 1, дело 2661/1963 г.

⁷¹ Ш а с к о л ь с к и й, *Борьба Руси...*, с. 29 и сл.

⁷² В тот период эта земля включала северное Приладожье и Карельский перешеек.

⁷³ *Лаврентьевская летопись*, ПСРЛ 1962, т. 1, с. 449; Е. А. Ры д з е в с к а я, *Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе*, [в:] *Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.*, Ленинград 1970, с. 325—326.

начиная с 1149 г.⁷⁴ Экстерриториальность Карелии по отношению к Руси подчеркивается в Слове о погибели русской земли — произведении 1238—1246 гг. и исландских географических сочинениях, написанных в XIV в., но по своим сведениям восходящим к XII в.⁷⁵

Тревожная военная обстановка, сложившаяся в последней четверти XIII в. нарушила этот распорядок и вызвала прямое выступление русской военной силы и укрепление северо-западной границы. В 1278 г. новгородцы и суздальцы во время похода на карел „взя землю их на щит“, а в 1284 г. в устье Невы разгромили шведов, которые „хотище на кореле дань взяти“⁷⁶. Эти действия, так же и то, что в 1270 г. карелы впервые названы в составе всей новгородской волости⁷⁷, свидетельствует о территориальном включении Карелии в тот период в земли Новгородской Руси. Дальнейшие события в этом районе, однако, продолжали уходить. После захвата западных корельских погостов и основания в 1293 г. Выборга новгородским руководителям стало ясно, что шведский противник преследует стратегические цели отторжения Корельской земли. В 1295 г. шведский отряд проник к устью Вуоксы и „поставиша свейские немцы город в кореле“⁷⁸. Ответная реакция новгородцев была быстрой. В тот же год шведский острожок был взят и „город разгребоша“.

В 1310 г. город с племенным названием Корала был отстроен новгородцами уже не в устье Вуоксы, а вверх по реке у места порогов. Можно предположить, что быстрая постройка укрепления состоялась с помощью местного населения. Более того, сообщения летописи о жизни Корельского городка в первые десятилетия его существования, отчетливо свидетельствуют о том, что в составе его жителей находились и русские, и карелы⁷⁹. Иными словами, перед нами свое-

образнейшее городское поселение, состоящее из двух разноязычных федеративных общин — редкий в средневековье пример сотрудничества более сильного народа со своим соседом. Правила, отношения этих общин не всегда были мирными. В этих событиях отмечен влиятельный руководитель оппозиционных новгородцам кругов воевода Валит — корелянин. 1310—1330 гг. были, похоже, периодом найвысшего сепаратизма. Не результатом ли племенных претензий явилась передача новгородцами власти в Корельском городке представителю местной знати? В его лице корельская старшина, лавируя между Новгородом и Швецией, пыталась отстаивать собственные интересы. Во второй половине XIV в. корельские представители в событиях, связанных с крепостью на Вуоксе, не упоминаются, их судя по всему, заменила новгородская администрация.

Период, когда город был центром своеобразного русско-карельского симбиоза (а Финны, по свидетельству одного источника XVII в. „с русскими были настолько соединены, что трудно сказать, на чьей стороне была высшая знать“), распознается и археологически. Характерно, что к 1300—1350 гг. относятся наиболее выразительные и богатые, содержащие много новгородских вещей карельские погребения, обнаруженные в конце XIX в. Т. Швиндтом в окрестностях Корелы — Кексгольма. Раскопки, проведенные в 1972—1973 гг. и 1975—1976 гг., обнаружили в толще культурного слоя древнего городка на Вуоксе, датированного XIV в., наряду с изделиями общерусских типов (посуда, инструменты, шиферные пряслица, бронзовые и янтарные крестики, шпоры со звездочкой, наконечник, пики, обрывок кольчужного плетения) и карело-финские. К ним, как можно установить, относятся скорлупообразные бронзовые фибулы, орнаментированные ленточным узором и деградировавшим звериным, бронзовая пронизка с Ф-образными ушками, круглая медная выпуклая бляха, напоминающая упомянутую в Калевале нашивную деталь чудского костюма, обломок недоделанной серебряной подковообразной застежки. Последняя находка свидетельствует, видимо, о существовании местного ювелирного ремесла. Бронзовые украшения, типа найденных в Кореле, встречены также в окрестностных могильниках. Находящийся в центре данного района Корельский городок можно рассматривать в качестве естественного и наиболее вероятного центра, производившего популярные у карельских женщин изделия. Гипотеза о существовании городского ювелирного, в том числе бронзового, ремесла подкрепляется находками в слое XIV в. тиглей

⁷⁴ Карелы, по сообщению летописи и иностранных источников, действовали в составе русского войска в 1171, 1187, 1198, 1316, 1395 гг.

⁷⁵ „Изборник“, Москва 1969, с. 326 (на этом сообщении наше внимание обратил А. В. Куза); Е. А. Мельников а, *Древняя Русь в исландских географических сочинениях*, [в:] *Древнейшие государства на территории СССР*, Москва 1976, с. 152. Ещё в 1260 г. Карелия в торговом отношении для немцев, готландцев и русских отмечена как самостоятельная „нейтральная“ область (*Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Москва—Ленинград 1949, с. 57 и 59).

⁷⁶ *Новгородская первая летопись...*, с. 323 и 325.

⁷⁷ Там же, с. 89.

⁷⁸ *Софийская I летопись*, ПСРЛ 1851, т. 1, СПб., с. 202.

⁷⁹ Более подробно: А. Н. Кирпичников, *Историко-археологические исследования древней Корелы* („Корельский город“ в XIV в.), [в:] *Финно-угры и славяне...*, с. 57 и сл.

для плавки бронзы, их обломками, бронзовой заготовкой, отлитой в тигельной форме.

Такие изделия, обнаруженные на территории Корельского городка, как обломок костяной пластинки и бронзовые рукоятки ножей, скорлупообразная фибула — все с линейно-ленточным орнаментом — позволяют поставить вопрос о корнях этого отделочного искусства. После археологических открытий в Новгороде оказалось, что приписываемый далеким странам орнаментальный стиль процветал в северорусском искусстве зрелого средневековья, что, разумеется, не исключает всякого рода местных, в том числе карельских, подражаний. Вещи с плетеным орнаментом, найденные в кексгольмских могильниках (ножи, берестяные туеса, фибулы) нуждаются в тщательном изучении и не исключено, что по крайней мере частью оказався новгородскими. Изучение карельских древностей, исполненных яркого своеобразия и оригинальности, однако, нельзя ограничить только территорией леторисной корелы. В этой связи следует заново оценить активность торговли карел с близлежащими странами Балтийского бассейна, Западной Финляндией, а также русскими городами. Представители этого племени, имевшие прочный контакт с самим Новгородом, судя по всему, широко пользовались предметами его ювелирной индустрии.

VII

На примере городищ Лопской и Водской земель была высказана догадка о их принадлежности местным финнам. Вопрос о существовании племенных острожков удастся прояснить на примере Тиверского городка — новгородского пригорода и каменной крепости, построенной, примерно, в 25 км к юго-западу от Корелы на одном из островов р. Вуоксы у Тиверских порогов. Судя по названию Тиверский городок можно связать с группировкой карел-тиврульцев (тиврольцев), обитавших неподалеку от Корелы и в дальнейшем, после захвата шведами их столицы в 1411 г., переселившихся в Беломорье⁸⁰.

На оновании археологических раскопок, которые производится, кстати сказать, здесь начиная с 1888 г., можно предположить, что сооружение городка у Тиверских порогов могло состояться в конце 1330 гг., когда Карелией управлял упоминавшийся выше Валит-корелянин, с чьим именем

⁸⁰ А. Н. Кирпичников, В. П. Петренко, *Тиверский городок*, КСИА 1974, вып. 139, с. 106; С. И. Кочуркина, *Тиверск*, КСИА 1976, вып. 146, с. 70.

легенда связывает строительство на севере первых каменных укреплений. Не исключено, однако, что основание городка в целях шире использовать карельские военные силы в обороне края произошло во второй половине XIV в.

Находки, добытые на городище, такие как посуда, наконечники стрел, боевые топоры, серебряные гривны, бронзовые скорлупообразные фибулы, Ф-образная пронизка с привесками, бронзовый игольник, застежка для волос из серебряной проволоки свидетельствуют о смешанной по происхождению русско-карельской материальной культуре. Что же касается оборонительных сооружений, то они являются, несомненно, произведением не новгородской, а финской фортификации. Эта преграда сохранилась до уровня своей боевой площадки, она сложена из крупных камней насухо, криволинейна в плане и по периметру огибает городищенский остров.

В целом, древности Карельского перешейка раскрывают, в каком плодотворном и многообразном единстве с Русью существовала и развивалась местная художественная и техническая, не терявшая своего оригинального облика, культура.

VIII

Исследование И. Н. Шаскольского привлекло наше внимание к сообщению летописи о новгородских купцах, „порубленных” шведами в городах Хоружке и Новоторжце в 1188 г.⁸¹ Большинство исследователей сопоставляет эти населенные пункты со Старым и Новым Турку (Або). В частности, со Старым Турку связывается городище мысового типа Коройнен (Короис), находящееся в нескольких километрах от современного Турку, на реке Аура вверх по её течению. Городище⁸² ограждено с напольной стороны земляным валом и по своему облику отличается от многих финских „горных” городищ. Можно думать, что в обоих упомянутых летописью населенных пунктах находились русские торговые дворы, а торговля района устья р. Аура была ориентирована на Новгород. Присутствие новгородцев здесь до-

⁸¹ Шаскольский, *Борьба Руси...*, с. 59 и сл.; *Новгородская первая летопись...*, с. 39.

⁸² Археологические исследования в районе Коройнен ведутся с 1898 г., добыт большой материал, но он не опубликован. В частности обнаружено, что городище окружало большое неукрепленное околородье (P. Koivunen, *Korois — ett bosättningscentrum äldre än Åbo*, „Historisk Tidskrift för Finland” 1974, 4, p. 440—442). Примерно с 1229 г. Коройнен — резиденция епископа.

казывается лингвистически и археологически. В районе нижнего течения Ауры находится ряд местностей по своему названию восходящих, как полагают, к русским словам (Турку от „торг”, Коройнен от „город”, Пааскунта от „погост”, Купитаа от „купец”). В этих же местах находят вещи XII—XIII вв. — похоже, русского происхождения⁸³. Возможно, что упомянутые выше два летописных поселения, положившие начало урбанизации юго-западной Финляндии, возникли до шведского покорения края в середине 1150 г. и, по крайней мере одно из них, было укреплено не без помощи новгородцев. Будущие исследования, будем надеяться, прояснят этот вопрос.

По изысканиям К. Вилкуна в названиях трех мест Финляндии удержался термин „kastari” который, являясь заимствованием от русского слова костер⁸⁴, изначально обозначал одиночную башню или такой объект, где башня доминировала⁸⁵. По-видимому на территории Финляндии существовали русские дозорные заградительные башни. Они, как выяснил Вилкуна, располагались на р. Кокемяенйоки на границе древних областей суми и еми Сатакунты и Хяме, на р. Пюкяйоки в Восточной Ботнии на старом пути из Ладожского озера к Ботническому заливу (здесь же прилегала граница установленная по Ореховскому договору 1323 г.), наконец, на побережье Ботнического залива в устье р. Кемийоки — где заканчивался путь из Беломорья к Ботническому заливу⁸⁶. Само расположение башен на важнейших путях напоминает о временах, когда одно из находившихся здесь племен — емь — пребывало в политической зависимости от Новгорода и выплачивало ему дань⁸⁷. Такое положение существовало в XII-первой половине XIII в. — видимо, тогда же и появились упомянутые башни-форпосты направленные против шведской экспансии, охранители торгового судоходства. Строить такого рода укрепления в беспокойных

областях стали ещё во времена Киевской державы. Примером устройства заградительной башни XI в., по наблюдению Вилкуна, является Бана Кастре (нем. Ольденторн) на р. Эмайыгн в Эстонии. По одному немецкому известию деревянную башню здесь построили русские в период основания Юрьева, т.е. около 1030 г.⁸⁸

Военная необходимость тесно переплеталась с торговой. Гостинные дворы, а иногда целые поселенческие кварталы — „кобыцы” новгородцев, как известно, существовали в таких крупных городах как Таллин, Юрьев, Вильнюс, Сигтуна, Висби. Видимо, этот список может дополниться торговыми местами, расположенными как в нижнем течении р. Ауры, так и на южном побережье Карельского перешейка. Сохранилось известие 1268 г. относительно торгового места Бьерке (бывш. Койвисто, ныне г. Приморск Ленинградской области) о том, что оно находилось „под миром и защитой (шведского) короля и Новгорода”⁸⁹. Сам договор, предусматривавший такое совместное владение балтийской гаванью — пунктом остановки в период каботажного плавания — до нас, к сожалению, не дошел. Упомянутая гавань отмечена также в документах 1493 и 1541 гг. Во время обследования южной оконечности острова Большой Березовый, то есть там, где можно было бы искать интересующую пристань, открылись несколько удобных для корабельной стоянки бухт, а в прибрежной части ещё и ныне растёт березовая роща и имеется источник пресной воды — ручей. Данные обследования предварительны, но они углубляют мысль о том, что торговые судоходство по Финскому заливу в XII—XIII вв., по-видимому, достаточно активно затрагивало интересы Северной Руси и Финляндских племен и не было таким пассивным и неразвитым, как его иногда представляют.

IX

В настоящее время происходит углубление наших знаний и о Финно-угорских племенах, заселявших не только северо-запад, но и территорию северо-восточной Руси. Так, „белым пятном” на археологической карте средневековой Восточной Европы выглядел до сих пор бассейн Северной Двины, в котором, по летописным дан-

⁸³ E. Kivikoski, *Akantungornamentik in frühgeschichtlichen Funden Westfinlands*, [в:] *Om эпохи бронзы до раннего феодализма*, Таллин 1966, табл. III, 1—2. Автор рассматривает кожаные ножны, найденные в Турку в слое не позже XIII в., и пряжку из погребения в окрестностях этого города. Эти находки сравниваются с карельскими. По нашему мнению, не исключена и их русская принадлежность.

⁸⁴ K. Vilkuна, *Über mittelalterliche Sperrhölzer an Handelswegen im Baltikum und in Finnland*, „Acta Visbyensia”, Visby 1976, t. 5, S. 192—193.

⁸⁵ А. Н. Кирпичников, *Каменные крепости Новгородской земли*, Ленинград 1983.

⁸⁶ Vilkuна, *Über mittelalterliche...*, S. 194.

⁸⁷ Во введении к русской Начальной летописи около 1113 г. емь указана в числе племен данников Руси (более подробно Шаскольский, *Борьба Руси...*, с. 20 и сл.).

⁸⁸ Vilkuна, *Über mittelalterliche...*, S. 192—193.

⁸⁹ V. Niitema, *Die frühen Städte Finnlands*. „Acta Visbyensia”, Visby, 1963, t. 1, S. 199; U. Salo, *Suomen kaupunkilaitoksen syntyjuuria ja varhaisvaiheita*, „Historiallinen Arkisto”, Turku, 1982, 78, p. 31.

ным, проживала „чудь заволоцкая”. Начало его заполнению было положено ленинградскими археологами О. В. Овсянниковым и В. А. Назаренко, открывшими и полностью исследовавшими под Шенкурском грунтовой могильник чуди XI—XII вв.⁹⁰ Впервые в руках исследователей оказались интереснейшие материалы, позволяющие реконструировать культурный облик этого загадочного племени, выявить составные элементы генезиса местной культуры.

Итоги многолетнего изучения мерянского племенного союза, занимавшего в начальной период русской истории восточную часть Волго-Окского междуречья и сыгравшего значительную роль в формировании северо-восточных великорусов, были подведены в появившемся в 1961 г. монографическом исследовании Е. И. Горюновой⁹¹. Полученные в последнее время новые данные позволяют конкретизировать многие стороны мерянской проблемы, связанные, в первую очередь, с установлением времени и характера древнерусской колонизации Ростово-Суздальской земли и процесса славяно-мерянского взаимодействия.

В IX в. древнерусское население, продвинувшееся с Северо-Запада, осваивает Ярославское Поволжье. Здесь на стратегически важном участке международного Балтийско-Волжского торгового пути возникает поселение нового типа, качественно отличающееся от родовых поселков I тыс. н.э. Характерные признаки поселения у д. Большое Тимерево, исследованного в последние годы И. В. Дубовым, позволяют отнести его к числу открытых ремесленно-торговых протогородских образований с их пестрым (полиэтничным) составом населения, высокоразвитым ремеслом и торговлей, широкими внешними связями⁹².

К X столетию славянские поселения уже фиксируются и в летописных районах мерянской земли, локализуясь первоначально вокруг „мерянских” озер Неро и Плещеево⁹³ и в бассейне

Нерли Клязьменской. Примечательно, что на раннем этапе древнерусской колонизации наблюдается отчетливо выраженное тяготение поселений к основным речным магистралям. Лишь в XI—XII вв., в связи с усиливающимися темпами земледельческого расселения, славяне начинают проникать вглубь лесной Залесской стороны. К XII в. относится появление первых сельских поселений в Костромском Поволжье, оставленных выходцами из Новгородской и Низовской земель.

Славяно-русское расселение в восточной части Волго-Клязьменского междуречья происходило в условиях длительного взаимодействия древнерусских колонистов с аборигенным мерянским поселением. Последнее, судя по имеющимся данным, достигло к концу I тыс. н.э. сравнительно высокого уровня развития. Накануне славянского проникновения в земли будущей Ростово-Суздальской земли происходят качественные изменения в социальной структуре мерянских племен, связанные с консолидацией отдельно родовых групп в общность более развитого типа. Ярким показателем этих новых явлений выступает Сарское городище — племенной центр мерянской группировки, заселявшей берега Ростовского озера⁹⁴.

Имеющиеся данные позволяют говорить о сложном и неоднозначном процессе ассимиляции Финно-угорского населения Ростово-Суздальской земли. В курганах Ярославских могильников появление чудских традиций фиксируется в середине X в.⁹⁵, примерно в это же время (вторая половина X в.) аналогичные явления устанавливаются и на материалах ранних Владимирских курганов⁹⁶. Однако интенсивная аккумуляция дославянских группировок протекала в начальный период лишь на магистральных путях древнерусской колонизации, а районах плотного славяно-русского заселения. Отнюдь не случай тот факт, что процесс этнического смешения в Суздальском Ополе прослеживается преимущественно лишь в крупных (свыше 100 насыпей) могильниках X—XI вв. На окраинах же мерянской земли местные племена ещё длительное время сохраняли своеобразие своей материальной культуры и погребальной обрядности. Ин-

⁹⁰ О. В. Овсянников, *First-discovered burialfield of „Zaveloche Tshud”, [in:] Fenno-ugri et Slavi 1978, Helsinki 1980, s. 228—236.*

⁹¹ Е. И. Горюнова, *Этническая история Волго-Окского междуречья*, МИА, 1961, пг 94.

⁹² И. В. Дубов, *Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья*, Автореф. канд. дис., Ленинград 1974; В. А. Булкин, И. В. Дубов, Г. С. Лебедев, *Археологические памятники древней Руси X—XI вв.*, Ленинград 1978, с. 101 и сл.; И. В. Дубов, *Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья*, Ленинград 1982.

⁹³ „На Белоозере сеять весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же” (*Лаврентьевская летопись...*, ПСРЛ 1962, т. 1, с. 10—11).

⁹⁴ А. Е. Леонтьев, *Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.)*, Автореф. канд. дис. Москва 1975; А. Е. Леонтьев, *О времени возникновения Сарского городища*, „Вестник МГУ” 1974, 5, с. 68—74.

⁹⁵ Дубов, *Проблемы становления...*, с. 14.

⁹⁶ Е. А. Рябинин, *Финно-угорские элементы в культуре Северной Руси X—XIV вв.*, Автореф. канд. дис., Ленинград 1974, с. 11—12.

тересным в этом отношении является недавнее открытие мерянского грунтового могильника в черте города Владимира, продолжавшего функционировать и в XI в.⁹⁷

Следует постоянно учитывать, что даже радикальные изменения в области материальной культуры финноязычного населения, обусловленные усиливающимся славяно-русским влиянием, отнюдь не всегда равнозначны его этнической ассимиляции. Наглядным примером этого положения служат материалы Сарского городища, приобретшие к началу XI в. обычный древнерусский облик и почти лишенные финно-угорской „примеси”. Тем не менее, и в это время основным населением городища была меря, сохранившая свои традиции лишь в отдельных элементах местной культуры⁹⁸.

Длительное сохранение финно-уграми своей этнической обособленности зафиксировано и средневековыми письменными источниками. В „житиях” ростовских епископов Леонтия, Исаи и Авраамия упоминается языческое население, занимавшее особый район — „Чютцкой конец” Ростова Великого. В этих жителях, поклонявшихся в XI в. каменному идолу Велеса, узнают мерю. Важно отметить, что упомянутый в житиях „Чютцкой конец” существовал в городе ещё в XII в.⁹⁹ Весьма затянувшимся оказался ассимиляционный процесс в глубинных районах Волго-Клязьменского междуречья и в Заволжье. Поселения „обрусевшей” меря в Костромском Поволжье отмечаются на археологическом материале вплоть до конца XIII в., а отдельные районы с финским населением, очевидно, сохраняли свою этнографическую целостность и в последующий период. На это косвенно указывают упоминания в документах XIV—XVI вв. „мерских” станов и волостей, локализующихся, как правило, на окраинах или за пределами распространения древнерусской курганной культуры¹⁰⁰. Жители таких станов, включившись в систему древнерусской государственности, социальных и экономических связей Руси, тем не менее, продолжали, очевидно, говорить на своем языке и сохранять старые племенные черты культуры. Имеются основания для сопоставления „мерских” станов на окраинах Северо-Восточной Руси с „чудскими”

погостями Новгородской земли, известными, как упоминалось, по писцовым книгам XVI в. В обоих случаях перед нами вырисовываются реальные, исторически засвидетельствованные „острова” финноязычного населения, представляющие для XVI в. лишь остатки прежних крупных племенных группировок (мери, води, чуди).

Отмеченные факты имеют важное историческое значение для уточнения времени и динамики ассимиляционного процесса. Они убедительно свидетельствуют в пользу того, что местные финно-угорские группировки приняли участие не только в образовании древнерусской народности XI—XIII вв., но и в формировании русской народности последующего периода, включаясь постепенно в её состав и придавая её культуре некоторые своеобразные особенности. Этнографические материалы XVIII—XX вв. фиксируют уже окончательные результаты этого многовекового процесса, выявляя значительный пласт субстратных финно-угорских элементов в народной северорусской культуре¹⁰¹.

Октябрь, 1984

СОКРАЩЕНИЯ

АН	— Академия наук
ВИ	— Вопросы истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ИА	— Институт археологии Академии Наук СССР
ИОЛЕАЭ	— Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии Наук СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии Академии Наук СССР
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии Наук СССР
МАР	— Материалы по археологии России
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МОИДР	— Московское отделение истории и древностей российских
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РГО	— Русское географическое общество
СА	— Советская археология
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua

⁹⁷ Н. Н. Мошенина, *Отчет об археологических раскопках могильника Сунгирь в г. Владимире в 1972—1973 гг.*, Архив ИА АН СССР, Р—I, дело 5193/1973.

⁹⁸ Леонтьев, *Сарское городище...*, с. 20—21.

⁹⁹ Д. Корсаков, *Меря и Ростовское княжество*, Казань 1872, с. 86—94; Попов, *Названия народов СССР...*, с. 70 и 90.

¹⁰⁰ См. напр.: П. Н. Третьяков, *У истоков древнерусской народности...*, с. 135—138.

¹⁰¹ См. напр.: Г. С. Маслова, *Орнамент русской народности вышивки как исторический источник. Тезисы докладов на сессии отделения истории АН СССР 18—25 апреля 1969 года*, Ленинград 1969, с. 33—34; она же, *Орнамент русской народной вышивки*, Москва 1978; И. П. Работнова, *Финно-угорские элементы в орнаменте северо-русских вышивки и тканья*, [в:] *Русское народное искусство Севера*. Ленинград 1968, с. 86—89; О. В. Круглова, *Древняя символика в произведениях народного искусства Ярославской области*, СА, 1971, т. 1, с. 265—267.

LES TRIBUS OUGRO-FINNOISES ET LA RUSSIE ANCIENNE (À LA LUMIÈRE DES RECHERCHES RÉCENTES)

R é s u m é

L'intérêt porté par des représentants de diverses disciplines de science, à la problématique ougro-finnoise, augmente toujours. De nombreuses actions entreprises au cours des dernières années en sont, entre autres, la preuve. Un des plus importants des sujets réalisés concerne les relations entre les tribus ougro-finnoises et la Russie ancienne. Les progrès des chercheurs sur ce problème est lié au fait que les résultats des fouilles archéologiques menées maintenant, ont permis de plus amples réponses aux certaines questions concernant ce sujet. Les fouilles archéologiques ont, en effet, permis de connaître d'une façon plus détaillée les processus ethno-culturels survenant au Moyen Âge en de diverses régions de la Russie du Nord.

La comparaison des données archéologiques aux informations des sources écrites a donné la possibilité de retracer le problème de la „Narova” czudzka et elle a aussi aidé à obtenir des informations plus amples sur la Lopia se trouvant au bord du lac Ladoga. Le nom Lopia a paru pour la première fois dans les bulles papales du 1171 et du 1239 dans l'énumération des tribus païennes finnoises habitants aux extrémités Nord de la Russie. Il est maintenant devenu possible de tenter un essai ayant pour but de démontrer les structures caractéristiques pour la Wódz dont la civilisation aux XIIe et XIIIe siècles subissait une forte influence de Novgorod (on

ne connaît pas jusqu'à maintenant de cimetières de tchoudzka datant du XIe à la première moitié du XII siècle). Les fouilles archéologiques les plus récentes ont confirmé aussi les informations, transmises dans les textes historiques, sur le centre principal de la Wódz Kopore. Par contre, les informations sur Ižora et Karelia ont apparu sous un autre jour (les structures liées à l'Ižora n'ont été que faiblement connues jusqu' alors). Grâce aux recherches complexes on a réussi à connaître d'une façon plus ample l'histoire des tribus ougro-finnoises habitantes au Nord-Est de la Russie. Pendant longtemps le bassin de la Dvina septentrionale a constituée une des „taches blanches” sur la carte archéologique de ces régions. La situation a changé après avoir découvert, aux environs de la localité Šenkursk, un cimetière tchoudzka datant des XI–XII siècles. La situation a été pareille aussi au cas de Meri.

Sans aucun doute, les informations obtenues au cours des fouilles archéologiques ont permis une connaissance plus détaillée de l'aspect culturel des tribus ougro-finnoises. Ceci a une importance énorme pour la détermination précise du temps et de la dynamique du développement des relations entre les tribus ougro-finnoises et la Russie ancienne.

Traduit par M. Krygier

LA LINGUISTIQUE EN RUSSIE ET LA RUSSIE ANCIENNE

À LA LUMIÈRE DES RECHERCHES RÉCENTES

par M. G. ...

La linguistique en Russie a connu une véritable révolution à la fin du XIXe siècle. Jusque-là, la langue était considérée comme un domaine purement littéraire et historique, réservé à l'étude des textes anciens. Les linguistes se contentaient de décrire les formes grammaticales et le vocabulaire, sans chercher à expliquer leur fonctionnement dans la communication réelle. C'est à partir de ce moment que la linguistique est devenue une science autonome, capable de poser des problèmes et de les résoudre à l'aide de méthodes rigoureuses. Cette transformation a été rendue possible par l'apport de nouvelles idées et de nouvelles méthodes venues de l'étranger, en particulier de l'Allemagne et de l'Autriche. Les linguistes russes ont ainsi pu développer une véritable école, qui a marqué l'histoire de la linguistique mondiale.

Les recherches récentes ont permis de mieux comprendre le rôle de la linguistique dans la culture russe. Elles ont montré que la langue n'est pas seulement un moyen de communication, mais qu'elle est profondément liée à la pensée et à la vie sociale. Les linguistes ont découvert que les structures grammaticales et le vocabulaire reflètent les valeurs et les croyances d'une société. Cette découverte a permis de mieux comprendre la culture russe et de mieux expliquer les particularités de sa langue. Les recherches ont également permis de mieux comprendre l'évolution de la langue russe au cours des siècles. Elles ont montré que la langue a subi de profondes transformations, qui ont été le résultat de l'influence de l'étranger et de l'évolution interne. Cette connaissance est précieuse pour les historiens et les linguistes.

Les recherches récentes ont également permis de mieux comprendre le rôle de la linguistique dans la culture russe. Elles ont montré que la langue n'est pas seulement un moyen de communication, mais qu'elle est profondément liée à la pensée et à la vie sociale. Les linguistes ont découvert que les structures grammaticales et le vocabulaire reflètent les valeurs et les croyances d'une société. Cette découverte a permis de mieux comprendre la culture russe et de mieux expliquer les particularités de sa langue. Les recherches ont également permis de mieux comprendre l'évolution de la langue russe au cours des siècles. Elles ont montré que la langue a subi de profondes transformations, qui ont été le résultat de l'influence de l'étranger et de l'évolution interne. Cette connaissance est précieuse pour les historiens et les linguistes.

Les recherches récentes ont également permis de mieux comprendre le rôle de la linguistique dans la culture russe. Elles ont montré que la langue n'est pas seulement un moyen de communication, mais qu'elle est profondément liée à la pensée et à la vie sociale. Les linguistes ont découvert que les structures grammaticales et le vocabulaire reflètent les valeurs et les croyances d'une société. Cette découverte a permis de mieux comprendre la culture russe et de mieux expliquer les particularités de sa langue. Les recherches ont également permis de mieux comprendre l'évolution de la langue russe au cours des siècles. Elles ont montré que la langue a subi de profondes transformations, qui ont été le résultat de l'influence de l'étranger et de l'évolution interne. Cette connaissance est précieuse pour les historiens et les linguistes.